

ОТТО ДИТРИХ

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ С
ГИТЛЕРОМ.

ВОСПОМИНАНИЯ
ИМПЕРСКОГО

РУКОВОДИТЕЛЯ

ПРЕССЫ. 1933-1945

Отто Дитрих

**Двенадцать лет с Гитлером.
Воспоминания имперского
руководителя прессы. 1933-1945**

«Центрполиграф»

Дитрих О.

Двенадцать лет с Гитлером. Воспоминания имперского
руководителя прессы. 1933-1945 / О. Дитрих —
«Центрполиграф»,

Сверхъестественный магнетизм личности Гитлера до сего дня не дает покоя пытливым умам. Каким образом заурядный на первый взгляд человек невысокого интеллекта и отнюдь не блестящего образования стал народным лидером? Почему большинство немцев безоговорочно доверились тому, кто привел их к грандиозному краху? Автор книги, один из ближайших сторонников фюрера, основываясь на доскональном знании характера и деятельности Гитлера, в своих мемуарах постарался воссоздать его правдивый исторический и человеческий портрет. Точные и подробные зарисовки об образе мыслей, манерах и привычках, политических устремлениях, военных амбициях, личных предпочтениях, состоянии здоровья и психики германского лидера добавляют новую страницу в историю самой грандиозной трагедии XX столетия.

© Дитрих О.
© Центрполиграф

Содержание

Часть первая. ГИТЛЕР КАК ЛИДЕР «ПАРТИИ, ГОСУДАРСТВА И ВООРУЖЕННЫХ СИЛ»	6
ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1. ХАРАКТЕР И ТАЛАНТ	9
Глава 2. ОТ ПОПУЛЯРНОГО ЛИДЕРА ДО ИГРОКА С СУДЬБОЙ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Отто Дитрих
Двенадцать лет с Гитлером.
Воспоминания имперского
руководителя прессы. 1933 – 1945

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Часть первая. ГИТЛЕР КАК ЛИДЕР «ПАРТИИ, ГОСУДАРСТВА И ВООРУЖЕННЫХ СИЛ»

ВВЕДЕНИЕ

Большинство немцев доверились одному-единственному человеку, поклонялись ему, как святому, и любили его, как отца. Этот человек привел их к величайшей в истории катастрофе. Это неприкрытый, грубый и шокирующий факт, и немецкий народ, еще не оправившийся от ужасных ударов войны, должен посмотреть ему в лицо. Сейчас миллионы ищут смысл и объяснение этого беспримерного краха. Однако в этих поисках они идут на поводу у своих пред-
рассудков.

Я убежден, что только доскональное и бескомпромиссное знание личности Гитлера, самых глубин его натуры и его истинного характера может объяснить необъяснимое. К пониманию истины, вины и судьбы Германии можно прийти, только поняв сверхъестественный магнетизм личности Гитлера. Тайна Гитлера – это призма, в которой преломляются все лучи гипотетического знания. Только когда они соединятся, мы сможем узнать историческую правду о недавних событиях. Только в глубинах натуры Гитлера мы сможем найти истину; только правдивый портрет этого человека может объяснить трагедию немецкого народа.

Этого титана свергли, но немецкому народу до сих пор не хватает ясности относительно Гитлера. Такая ясность – неизбежная предпосылка успешного выхода из руин прошлого в лучшее будущее. Настоящих успехов в жизни можно достичь только при условии искренней заинтересованности и страстной преданности работе. Немецкий народ найдет силу подняться над своими страданиями и войти в сообщество мирных наций, только после этого немцы преодолеют в себе прошлое и поднимутся над своими глубочайшими заблуждениями. А для этого им нужно доскональное знание характера и деятельности Гитлера.

Волею судьбы я много лет занимал должность, позволившую мне вложить свою лепту в это необходимое знание. В течение двенадцати лет я возглавлял отдел печати и находился в ближайшем окружении Гитлера. Я не стремился занять этот пост. 30 января 1933 года, когда Гитлер назначил Функа новым министром пропаганды в своем правительстве, он сам приказал мне остаться рядом с ним. Может быть, он даже думал обо мне как о своем будущем биографе. Поначалу я по достоинству оценил привлекательные черты его характера и стремление достичь благосостояния для народа, но за многие годы совместной службы понял, что он внутренне изменился, и возненавидел его деспотичную натуру. Несмотря на мои неоднократные попытки вырваться, он меня не отпускал. Я слышал много, но о многом не знал, поскольку о том, что не предназначалось для широкой публики, при газетчиках не говорилось. Гитлер умел хранить тайны. Он неукоснительно соблюдал принцип: «Никто не должен знать о важных вещах больше, чем это необходимо для исполнения его обязанностей. Если что-то необходимо знать только двоим, третий не должен этого слышать».

Я не вел записок. Но за двенадцать лет службы из тысяч деталей публичной и частной жизни Гитлера у меня сложилось собственное мнение об этом таинственном человеке, вплоть до 30 марта 1945 года, когда в маленькой комнате своего бетонного бункера после ожесточенного спора он освободил меня от занимаемой должности.

Колоссальные достижения Гитлера за шесть лет невероятно успешного мирного времени затмили слабые стороны его натуры. За шесть лет войны проявились сомнительные черты характера и крайности этой демонической личности. Он был знаменосцем, и, пока оставалась

хоть какая-то надежда отвести ужасную судьбу, немцы считали своим священным долгом хранить верность знамени.

До последнего момента его огромная деспотическая власть вселяла ложные надежды и обманывала как народ, так и его ближайшее окружение. Только в конце войны, когда стала ясна неотвратимость бесславного краха и окончательного падения его власти, мне удалось сложить вместе кусочки мозаики, которые я по крупичкам собирал в течение двенадцати лет, чтобы получить полную картину его непонятной, загадочной личности. Когда я узнал о зверствах в концентрационных лагерях дома и в Польше, у меня открылись глаза и передо мной предстали четкие контуры переменчивой личности этого человека. Когда мы изучаем его портрет задним числом, свет и тени падают совсем не так, как мы привыкли их видеть. До самого конца мы смотрели на него под совершенно другим углом. Внезапно становится ясной сверхъестественная двойственность его натуры и чудовищность его подлинного существа.

В последние месяцы я много размышлял, следует ли мне, как немцу, делать достоянием гласности мой анализ и мое личное знание Гитлера. Мои собственные наблюдения отнюдь не всеобъемлющи и никоим образом не могут считаться истиной в последней инстанции. Но я верю, что они имеют значение, поскольку снимают остатки глянца с мифа о Гитлере, если этот миф еще существует и все еще производит впечатление на потомство. То, что я собираюсь рассказать, поможет окружить его фигуру мрачной тенью. По этой причине я чувствую, что не должен скрывать мое знание от людей – ради самих же людей. Если мои современники, чьи взоры устремлены в прошлое, меня не поймут, те, кто придут позже, оценят мой труд.

Факты сильнее теорий. Мировая история пошла по совершенно иному пути, нежели тот, что представлял себе Гитлер. Национал-социализм дошел до крайности. Когда Гитлер вторгся в сферы расистских идей, он потерял связь с твердой почвой практической реальности. Философские и психологические шоры мешали ему видеть историю человека в международном аспекте. Он не замечал, что по мере того, как прогресс и техника все больше завоевывают пространство и время, а люди на планете становятся все ближе друг к другу, сообщество внутри границ каждой отдельной нации неизбежно имеет тенденцию присоединиться к сообществу всех наций. Для Гитлера все человеческие проблемы кончались там, где сегодня они только начинаются. Сегодня важные и судьбоносные вопросы будущего человека будут решаться не в национальном, как полагал Гитлер, а в международном масштабе. Наступает век изобретений, которые потрясут мир, а возможно, и погубят его. Международное сотрудничество станет неизбежной необходимостью, если нации не уничтожат друг друга. А демократия в самом широком смысле слова станет единственной жизнеспособной формой рационального существования человечества. В определенных пределах отдельные личности и их творческие достижения продолжают оказывать влияние на ход истории, как это происходило всегда. Но в будущем ни одна политически зрелая нация не попадет под неограниченную власть одного человека и авторитарного правительства. Отныне только демократические правила будут регулировать игру на шахматной доске мировой политики. Теперь этот факт не подлежит обсуждению; это показал весь ход событий. Следовательно, если немецкий народ не хочет навсегда отгородиться от сообщества наций, если после страшного краха немцы пожелают восстановить свою жизнь на новом базисе, чтобы разделить с другими нациями достижения культуры и цивилизации, они должны оставить всякую мысль о возвращении к абсолютистской диктатуре гитлеровского типа. Любая пропаганда подобного государства отныне должна считаться реакционным явлением. Возвращение к авторитаризму будет окончательным политическим самоубийством немецкой нации.

Память о том, как трагически они заблуждались в недавнем прошлом, должна навсегда послужить немцам историческим уроком: никогда не наделять абсолютной властью одного человека, тем самым доверяя ему свои судьбы и жизни. Ведь человеческие слабости даже величайшего из смертных могут принести горе нации, если этот один человек властен над жизнью и смертью, войной и миром. Гитлер пришел к власти как популярный социалистический лидер,

творец новых идей. Поскольку он спас немцев от ужасной экономической катастрофы, люди поверили его обещаниям и приняли его как счастливый случай, фаворита судьбы, и наделили безраздельной властью. С годами, по мере того, как менялся его характер и цели, он использовал эту власть для того, чтобы погубить нацию.

Он не был величайшим из смертных, каким себя воображал. Несмотря на весь его гений, в нем не было морального величия, а его сила была лишена доброты. Он пал жертвой такой отравы, как власть, был вовлечен в конфликты, которые не мог контролировать и которые ввергли целую нацию в гибельный водоворот. Люди были ослеплены его грандиозными победами в области общественного благосостояния и националистическими идеями. Его привлекательные черты вводили их в заблуждение относительно великих, но разрушительных тенденций, свойственных его политике. Развитие Гитлера, его постепенное превращение из лидера, заботящегося о благе народа, в Герострата в царстве политики происходило в течение многих лет. Процесс был незаметным; нельзя указать точное время и сказать: «Он изменился». Этапы были трудноопределимы, но изменения реальны. Его политический гений помог Германии выбраться из ужасного экономического кризиса; а полная мера его человеческой и моральной низости проявилась в смерти, которую он выбрал, и наследстве, которое он оставил своему народу.

Немцы были вправе ожидать, что Гитлер не оставит их один на один с их бедой или, по крайней мере, не уйдет, не сказав ни слова в свое и их оправдание. В конце концов, он требовал от них слепого подчинения и до последнего продолжал обещать перспективу победы. Но даже перед лицом собственной смерти и видя агонию своей нации, он упорно отказывался прислушиваться к голосу разума. Его наследие – это суд над его жизнью. Он ушел, не выполнив своих обязательств перед народом, не чувствуя страданий народа; он покинул нацию в час нужды, взвалив на нее ответственность за свои преступления.

Могу представить себе, как жестко, как безжалостно Гитлер осудил бы любого другого, кто в его положении обошелся бы со своим народом так, как обошелся он. И я верю, что люди поймут, если правда об их бывшем лидере будет рассказана столь же жестко и безжалостно.

Я считаю своим долгом перед собой и перед немецким народом написать его портрет настолько верно, насколько это в моих силах. Как публицист, веривший в дело нацизма, я последовательно представлял народу наиболее симпатичные и привлекательные черты Гитлера, тем самым делая его ближе к сердцам многих немцев. В то время я искренне верил, что действую на благо и в интересах нации. Но со временем благодаря изменениям в этом человеке прогитлеровские писания легли тяжким бременем на мою совесть. Поэтому я считаю своим долгом представить темные стороны этого человека, которые проявились позднее, обозначить тени, чтобы закончить портрет. В 1933 году я написал книгу под названием «С Гитлером к власти», в которой с энтузиазмом описал мирную борьбу Гитлера за душу немецкого народа. Я представил национал-социализм как вдохновенную мечту всех народов мира. В то время я искренне в это верил. Теперь я обязан написать трагическое продолжение этой книги, вторую часть драмы, которая объяснит падение Гитлера в пропасть и крах немецкого рейха. Я напишу трагическое продолжение с той же страстью, с любовью к истине и чувством долга по отношению к исторической справедливости.

Глава 1. ХАРАКТЕР И ТАЛАНТ

Характер и способности человека не изменяются в течение его жизни. Но каково бы ни было значение человека для общества, сумма его опыта, успехов и достижений, все эти факторы, которые вместе образуют его личность, – результат процесса медленного роста. Понимание личности, знание правды о человеке также приобретает медленно. Мы не поймем глубины данной человеческой натуры, если встречаемся и говорим с ним от случая к случаю, изредка слышим или читаем о нем. Человека нужно изучать многие годы в его повседневной жизни, знать его причуды и привычки. Только тогда в конце концов можно оценить, насколько ему удалось претворить в жизнь свои идеи и желания.

Гитлер был демонической личностью, одержимой расовыми заблуждениями. Сверхъестественное напряжение его ума и внезапные причуды его воли нельзя объяснить физической болезнью. Если к его психическому состоянию вообще применим какой-нибудь медицинский термин, то это, несомненно, мания величия. Но он ни в коем случае не был психически больным; скорее у него была психическая аномалия, этот человек стоял на пороге, разделяющем гений и безумие. Подобная фигура не впервые появляется в мировой истории. Умом и душой Гитлер был гибридным существом – двуликим. Раздвоение чувств (амбивалентность) зачастую сопутствует гениям; внутренние стрессы могут усилить патологические черты. С Гитлером так и произошло: он не смог побороть в себе внутренние противоречия, и раздвоение чувств приобрело решающее значение для всего его существования. Поэтому суть его натуры не описать простыми, естественными словами. Это союз противоречивых черт, и в нем заключается секрет его непостижимости. Именно поэтому так сложно объяснить пропасть между его внешним стремлением быть бескорыстным слугой нации и поступками, чудовищность которых стала очевидной только в поздние годы его правления.

Основательное раздвоение личности в натуре Гитлера коснулось и области интеллекта. Гитлер обладал невероятными интеллектуальными дарованиями – в некоторых областях даже гением. Он моментально схватывал суть явления, обладал потрясающей памятью, выдающимся воображением и дерзкой решительностью, обеспечившей ему успех во всех социальных начинаниях и прочей мирной работе. С другой стороны, во многих других вопросах, например расовая проблема, отношение к религии, поразительное пренебрежение к моральным нормам жизни, его мысли были примитивными, а иногда и бредовыми. Результатом этих интеллектуальных сбоев стала пугающая слепота, роковая неспособность вести внешнюю политику и принимать правильные политические решения. Во многих ситуациях он мог действовать логически, тонко чувствуя нюансы. У него хватило ума и дерзости занять в промышленности семь миллионов безработных, однако в решительный момент этот же самый человек не смог понять, что нападение на Польшу означает начало мировой войны, которая в конечном счете приведет к гибели и его, и Германию. Творческий ум и слепая глупость – эти два аспекта его личности, беспрестанно проявлявшиеся на всем протяжении его жизни, были результатом общей аномалии.

В Гитлере странным образом уживались искренняя теплота и ледяная бессердечность, любовь к ближним и безжалостная жестокость. Он мог быть доброжелательным человеком, покровителем художников, любящим детей, гостеприимным хозяином, галантным с женщинами, сочувствующим чужим страданиям и разделяющим чужие радости. Но, как нам сегодня известно, в этом же самом человеке бушевали первобытные звериные силы. Его решения бывали совершенно безжалостными. Сегодня, когда из рассказов многочисленных жертв стали известны ужасающие факты, мир лишь содрогается от такого отталкивающего отсутствия каких-либо человеческих чувств. Тот же самый Гитлер, с любовью глядящий на газетных фотографиях в восторженные лица детей, отдавал приказы арестовывать невинных жен и

детей своих политических противников. Десятилетиями он усиленно пропагандировал гуманное отношение к животным, в разговорах не устал подчеркивать свою любовь к ним; и этот же самый человек, обладая неограниченной властью, поощрял ужасающую жестокость по отношению к людям и отдавал бесчеловечные приказы.

Насколько Гитлер осознавал свою двойственность? Этот вопрос имеет решающее значение для объективной оценки его личности. Сознал ли он чудовищность своих поступков или, находясь в плену своих заблуждений, искренне считал их неизбежной необходимостью, оправданной возвышенными целями? Как я понимаю, ключом к его демоническому характеру были фантастически преувеличенный национализм и обожествление арийской расы. Корни нереалистической концепции превосходства немецкой нации, выработанной Гитлером, следует искать в его расовых заблуждениях. Этим объясняются его страстные амбиции в отношении Германии и бесчеловечные преступления, которые он совершал без колебаний.

Гитлер считал себя величайшим гением, но не сверхчеловеком, не сверхъестественным существом. Однако по отношению к нации он чувствовал себя богом, пророком, высшим жрецом. Он был готов принести на алтарь отечества еще большие жертвы, чтобы сохранить бессмертие нации. Когда он действовал как «верховный судья нации», решающий судьбы людей, он чувствовал себя вознесенным на вершины величия. Все, что он делал ради «высшего блага нации», не укладывалось в обычные рамки сознания. Во всех своих поступках он руководствовался печально знаменитым принципом «цель оправдывает средства». Он не принимал во внимание радости и горести людей, живущих в настоящем; он думал только об абстрактной концепции бесконечной последовательности будущих поколений. Его концепция нации коренным образом отличалась от мнения людей, которые и составляли эту нацию. Этим и объясняется ужасающая трагедия: во имя нации он уничтожил эту самую нацию, частью которой был сам.

Эта нереалистическая, почти трансцендентальная концепция нации выражена в нюрнбергских речах Гитлера. Он думал о нации в масштабе тысячелетий. Он упивался национализмом, сидя в Байрейте и с глубоким почтением слушая «Гибель богов» Рихарда Вагнера или гуляя по пантеону Вальхалла¹ безумного короля Людвига в Регенсбурге.

Не может быть никаких сомнений в том, что у Гитлера не было эгоистических стремлений к личному обогащению или излишним удобствам. Его образ жизни всегда был поразительно скромным и нетребовательным. Он не любил помпезности; в общении был прост и близок к простому народу. По сути же он являл собой особый вид эгоизма. Его жажда власти не имела ничего общего с холодным эгоизмом: стремление к лидерству сжигало его изнутри. Теперь, когда жизнь Гитлера стоит передо мной во всей своей полноте, я не могу избавиться от ощущения, что собственное воображение Гитлера бессознательно создавало широкий обманчивый мир, чтобы дать прибежище своему эгоизму. Националистическая мания величия и личная страсть к власти сделали его великим бескорыстным лидером своего народа и привели к трагическому краху.

Доминирующей чертой характера Гитлера было его невероятное упрямство. В шутиливом разговоре о детстве он вспоминал, каким был упрямым мальчиком. Вне себя от ярости он даже падал в обморок, если последнее слово в препирательствах с отцом во время работы в саду оставалось не за ним. Последнее слово всегда должно было оставаться за ним! Его характер был таким вспыльчивым, что малейшее противоречие приводило его в ярость. В последние годы его нрав стал просто тираническим и совершенно неуправляемым. Пока в нем оставалась искра жизни, он никогда не сдавался. Его сильная воля могла быть вдохновляющей и конструктивной или подавляющей и разрушительной. Она объединила народ, но неуверенность

¹ Вальхалла – мемориал в Регенсбурге. На постаментах и консолях помещаются 163 мраморных бюста героев Вальхаллы. В скандинавской мифологии Вальхалла – обиталище бога Одина и душ погибших в боях героев. (Здесь и далее примеч. пер., кроме особо оговоренных случаев.)

снова расколола его. Повлиять на его волю было невозможно. То есть он позволял оказывать на себя влияние, но только тогда, когда уже все для себя решил. Противоречие и сопротивление только усиливали его упрямство, как трение высекает электрические искры. Воля Гитлера блокировала все попытки влиять на него; он лишь властно воздвигал между собой и другими глухую стену отчуждения. И по мере того, как крепла его власть, его деспотизм становился все более и более абсолютным. Это нужно понять, чтобы отвести надлежащее место попыткам «влияния» на него.

Насколько мне известно, на важные решения Гитлера не мог оказать влияния никто. Он сам принимал их в уединении и считал вдохновением и интуицией. Когда он около полудня появлялся среди своих ближайших соратников, я слышал, как он то и дело произносил фразу: «Я думал об этом всю ночь и пришел к следующему решению...» Иногда он временно отказывался от подобных решений, но никогда не забывал о них насовсем. Были случаи, когда он воздерживался от уместных возражений в присущей ему властной манере, потому что в тот момент не находил контраргументов. Но в подобных случаях он снова и снова с невероятным упрямством возвращался к этому вопросу, пока не добивался своего. Тогда решение объявлялось в форме еще более настойчивого приказа. Подобная схема действий в решении обычных текущих вопросов мне хорошо известна; вероятно, более важные секретные вопросы он решал точно так же.

Эти решения не принимались на совещаниях, а спускались сверху. Встреч ведущих членов правительства или партии, на которых бы принимались решения, просто не было. Разговоры о подобных совещаниях – не более чем миф. Теперь стало известно, что до войны кабинет министров рейха не собирался годами, а за все время войны ни разу. Партийный сенат, который Гитлер обещал сформировать и для которого был полностью оборудован Сенатский зал в Коричневом доме² Мюнхена, никогда не существовал. Решения принимались Гитлером единолично, а затем передавались правительству и партии как приказы. Сообщая о своих указах, Гитлер заявлял, что они имеют огромное значение для «блага нации».

Он был трудным учеником. Позже я еще расскажу об огромном объеме информации, которым он владел, и о том, как он был начитан. На этом основании он искренне считал себя умнее всех. С беспримерным интеллектуальным высокомерием и едкой иронией он отвергал все, что не вписывалось в его идеи, и пренебрежительно отзывался об «интеллектуалах». Увы, если бы он обладал хоть малой толикой их презренного интеллекта и осмотрительности, скольких ужасных испытаний мог бы избежать немецкий народ! Его интеллектуальное высокомерие выражалось с эгоизмом³, который иногда приводил в замешательство. В разговоре за столом, например, я иногда слышал, как его сподвижники поправляли его по какому-нибудь вопросу из любой области знаний. Каким бы дельным ни было замечание, Гитлер не признавал своей ошибки; он настаивал на своей правоте, пока собеседник не менял тему из чувства такта или самосохранения.

У Гитлера был свой способ общения с иностранцами и незнакомцами, заключавшийся в том, чтобы не дать им вымолвить хоть слово. Он немедленно захватывал контроль над разговором, беспрестанно перебивал собеседника и говорил так долго и страстно, что время, отведенное для встречи, заканчивалось раньше, чем гость успевал ответить, если у него еще оставалось это желание. Только однажды я был свидетелем случая, когда иностранный гость не попался на эту удочку, сорвав Гитлеру его трюк. Это был норвежский писатель Кнут Гамсун. Ему тогда было лет восемьдесят, он плохо слышал и поэтому, сознательно или бессознательно, постоянно перебивал Гитлера. Пользуясь случаем, он так хладнокровно и решительно пожаловался на поведение немецкого гражданского правительства в Норвегии, что Гитлер прервал

² Коричневый дом – с 1931 г. штаб-квартира национал-социалистической партии, Мюнхен, Бавария.

³ Эгоизм – преувеличенное чувство значимости своей личности.

встречу. После ухода старого джентльмена Гитлер в недвусмысленных выражениях выплеснул свою ярость. Лишь через несколько дней он смог забыть этот разговор.

Гитлер обладал силой одновременно убеждать и парализовать противника. Своими пламенными речами он умел внушать свою волю массам, когда сталкивался с ними лично. Сегодня может показаться странным, что в мирное время подавляющее большинство немцев проголосовало за Гитлера, тем самым закрепив права на власть, которую ему передал старый президент фон Гинденбург. Но мы должны понять, что в течение многих лет Гитлер напрямую разговаривал примерно с тридцатью пятью миллионами немцев во время своих поездок по городам и деревням. Люди толпились, чтобы взглянуть на него. Большинство из них подпадали под действие его речей. Нужно помнить об экономической ситуации тех ранних дней. Гитлер торжественно обещал немцам защищать социальные, экономические и национальные интересы народа. Все его проповеди изобиловали терминами трогательной морали и национальной чистоты. Следовательно, нет ничего странного в том, что немцы были заворожены его личностью, что они доверились ему. В конечном счете, добившись успеха, он оправдал их доверие, которое с годами становилось еще сильнее. Даже в поздние годы многие из его соратников оставались под действием его обаяния. Поскольку это обаяние действует на эмоциональном уровне, даже когда возникали сомнения, избавиться от него было трудно. Его личность гипнотически действовала на массы, парализуя их мыслительные процессы. Этот факт объясняет многие вещи, которые иначе сегодня кажутся непостижимыми.

Гитлер обладал способностью препятствовать любым попыткам повлиять на него. Это я знаю от многих важных персон, которые приходили к нему на прием с твердым намерением выдвинуть веские аргументы в противовес его решениям. Гитлер выслушивал только первые фразы. Затем он в течение часа перемалывал тему со всей доступной ему риторикой, освещая ее особым светом собственной системы мыслей. К концу часа его оппоненты впадали в состояние интеллектуального транса и уже были неспособны высказать свою точку зрения, даже если бы он дал им возможность сделать это. Некоторые раскусили этот маневр Гитлера и думали, что обладают иммунитетом против него. Они даже осмеливались пренебрегать его красноречием и настаивать на своем, но в этих случаях Гитлер грубо прибегал к своему авторитету как фюрера. Если же собеседник не уступал, его ожидал такой взрыв истерической ярости, что слова застывали во рту несчастного, а кровь в жилах.

Высокомерие Гитлера зиждилось на его воображаемом интеллектуальном превосходстве. По мере того как в годы войны крепла его власть, росла и мания величия, пока, наконец, сила его воли не превратилась в совершенную тиранию. Призывая на помощь законы войны, он сделал себя хозяином жизни и смерти всех. Любой, кто не подчинялся его приказам беспрекословно, считался пораженцем или саботажником.

Патологическое беспокойство было одной из основных черт характера Гитлера. Он никогда не позволял себе расслабиться. Ничто не сдерживало динамичных порывов его воли. Пока Гитлер продолжал проводить политику мира, как он обещал и проповедовал, у людей еще был выбор. Но когда своим единоличным решением он изменил эту политику, у людей не осталось выбора. Им казалось, будто они на полной скорости мчатся в экспрессе, который ведет Гитлер. С движущегося поезда не спрыгнешь; ты на нем едешь, куда бы он ни вез тебя, к хорошему или к плохому.

Можно задать вопрос: почему не устранили этого опасного машиниста, чтобы остановить поезд? Но при этом нельзя забывать, что этот машинист долгое время доказывал свое умение, уверив всех, что приведет поезд к месту назначения. В столь неясной ситуации кто возьмет на себя ужасную ответственность сбросить с поезда машиниста, подвергнув опасности жизнь всех? Любого, кто устранил бы Гитлера, навсегда бы окрестили проклятым губителем немецкой нации. Поскольку народ по-прежнему верил в Гитлера, его смерть навеки считалась бы причиной неизбежной гибели страны. На человека, который убил бы Гитлера, взвалили

бы тяжкое бремя вины перед историей, хотя теперь нам известно, что вся вина лежит на Гитлере. Оглядываясь назад, мы понимаем, что уничтожение столь опасного деспота, похоже, было насущной необходимостью; мы даже можем обвинять в серьезной оплошности тех, кто должен был осуществить эту задачу. Но в то время такой поступок казался совершенно невозможным.

С тех пор как Гитлер пришел к власти, немецкий народ был покорен динамизмом его воли. Позже немцы не могли разорвать цепи насилия, которыми Гитлер опутал их.

Одним из факторов, которыми сам Гитлер оправдывал свои действия, была его примитивная философия природы. И в публичных речах, и в частных беседах он неоднократно ссылался на свою философию. Его целью было убедить слушателей в том, что его философия представляет собой истину в последней инстанции. Он считал борьбу за существование, выживание самых пригодных и сильных законом природы, высшим императивом, распространяющимся и на общественную жизнь людей. Из его философии следовало, что сила всегда права, что насильственные методы абсолютно соответствуют законам природы.

В этом отношении Гитлер был совершенно старомодным, пережитком XIX века. Он не понимал глубокой власти духовных сил; он верил только в насилие. Гитлер считал грубость высшей добродетелью человека, а чувствительность – слабостью. Он полагал, что в принципе правильнее внушать страх, чем вызывать сочувствие. Основой его актов насилия всегда было настойчивое намерение устрашать. Внушение страха он считал высшей политической мудростью, высшим принципом правительства в политике, праве и войне. Он не слушал никаких возражений и приходил в ярость, когда кто-либо призывал к сочувствию и здравому смыслу. «Жесткие» люди пользовались его уважением, «мягких» людей он никогда не жаловал. Характерно, что его фаворитами были те самые люди, которых народ ненавидел; этих он всегда ставил в пример всем популярным у немцев деятелям. Для двуличной натуры Гитлера типично, что меры, считавшиеся в народе особенно жестокими, породившие фразу «если бы фюрер только знал...», принимались по приказу самого Гитлера!

Гитлер намеренно подавлял в себе человеческие чувства – это основная причина его падения. Чувства – ужасная сила в жизни наций и в существовании отдельных людей. Если их задевают, они возбуждают страсть и фанатизм. Тот, кто применяет к ним насилие, в конце концов уничтожается ими. Гитлер прекрасно сумел восстановить против себя чувства других наций. Он сделал все, что в его силах, чтобы оттолкнуть их, и ничего, чтобы завоевать их любовь. Для меня совершенно непостижимо полное отсутствие в нем понимания психологии других наций. Взывая к эмоциям, он завоевал немецкий народ в мирное время; насилием над человеческими чувствами он погубил немецкий народ в годы войны.

Трагедия присутствовала с самого начала. Народ выбрал лидером человека выдающегося интеллекта и сильной воли; но люди не подозревали, что он обладает демонической силой, доведенной до гротеска, и безумием преисподней. В лице, которое Гитлер представлял народу, виделся блестящий и возвышенный человек, в чье руководство все поверили. В другом, скрытом лице отражалась дьявольская сторона его души, которая привела к уничтожению государства.

Глава 2. ОТ ПОПУЛЯРНОГО ЛИДЕРА ДО ИГРОКА С СУДЬБОЙ

Осенью 1933 года по предложению секретаря Гитлера Рудольфа Гесса, знавшего меня как журналиста, я вошел в окружение Гитлера. В то время меня потрясла одна вещь. Он говорил о своем приходе к власти как о чем-то давно решенном, хотя многим тогда это казалось невозможным, а мне, безусловно, удивительным. У самого же Гитлера конечное вознесение к власти не вызывало никаких сомнений. Например, он много лет разрабатывал подробнейшие планы строительства в Берлине, Мюнхене, Нюрнберге и других городах. Впоследствии эти планы успешно претворялись в жизнь. Строительство автобанов и искоренение безработицы стали последовательной политикой более чем на десять лет. Проекты, о которых он говорил, были делом мира и прогресса, а не войны и завоеваний. В те дни, когда он еще разъезжал из города в город, из одного населенного пункта в другой, как странствующий проповедник, он уже видел себя во главе правительства и осуществляющим свои планы.

Ему, несомненно, удалось в огромной мере передать веру в себя и свою миссию миллионам, слушавшим его речи на митингах. Во время экономического коллапса и национальной безнадежности эти новые идеи вдохновляли массы. Как газетчик, я присутствовал на очень многих подобных публичных мероприятиях. Когда я сейчас вспоминаю, что именно в мыслях Гитлера оказывало наиболее сильное влияние на слушателей, мне кажется, большую часть аплодисментов вызывали следующие идеи.

Гитлер говорил народу, что национальное возрождение возможно только социальными мерами, а социалистические цели могут быть достигнуты только на основе национализма. Национальной идеей, которую он проповедовал, было создание бесклассового общества, образование народных сообществ по признаку расовой принадлежности, уничтожение такого зла, как партийная система, и решение еврейской проблемы. Основопологающий принцип этого национального сообщества выражал лозунг «Общественное благо превышает благо отдельного человека». Во внешней политике его целью был пересмотр Версальского договора.

Социалистическая концепция, разработанная Гитлером, начиналась с вопроса: с помощью какого принципа может быть лучше всего достигнута социальная справедливость и гармония экономических интересов с учетом естественных различий между людьми? Ответ Гитлера был следующим: наиболее справедливое и успешное решение даст принцип социалистической эффективности, основанный на равных для всех условиях экономического соревнования. Следовательно, он требовал равных возможностей для всех, упразднения каких-либо классовых привилегий и привилегий по рождению, лишения состоятельных слоев общества преимущественного права на образование, ликвидации нетрудовых доходов, «подавления ростков материальной заинтересованности» и уничтожения золота, так как золото – «непродуктивный экономический фактор». В его экономической мысли труд, который, в свою очередь, порождает труд, заменяет золото; на смену капиталистическому интересу он выдвинул экономическую производительность труда человека. Гитлер также представил решение еврейского вопроса на основе гуманности. Речь не шла об уничтожении еврейской нации. Хотя он требовал сдерживания их «излишнего» влияния на правительство и экономику, евреям по-прежнему позволялось жить своей жизнью. Достаточно лишь упомянуть об отделении еврейской культуры при министерстве культуры рейха, юридически гарантировавшем евреям культурную жизнь. Я могу также вспомнить директивы рейхсминистру экономики, выпущенные в 1934 году и представленные широкой публике министром пропаганды Геббельсом. Эти директивы запрещали какое-либо вмешательство в экономическую деятельность евреев, пока те соблюдают законы государства.

Многие немцы, голосовавшие в те дни за Гитлера, одобряли не все его идеи и пункты программы. Одни отвергали его антисемитизм; другие считали неразумными его экономические затеи, но соглашались с другими пунктами национальной и социальной политики. Ввиду ситуации в Германии народ принял его программу в целом. Большинство тяготело к национальному сообществу и социалистическому «народному государству», предложенному Гитлером. Гитлер в то время заявлял, что его социалистическое народное государство озабочено внутренним развитием немецкой «народности», под которой он понимал расовую сущность немецкого народа; его не интересует империалистический экспансионизм. Он объявил о стремлении национал-социалистов к миру и ясно дал понять, что пересмотр Версальского договора должен быть достигнут с помощью переговоров.

30 января 1933 года президент фон Гинденбург назначил Гитлера канцлером Германии. Он оказался на новом перекрестке своего жизненного пути. Задолго до этого судьба подала ему недвусмысленный знак – 9 ноября 1923 года в Мюнхене была жестоко подавлена его попытка захватить власть. Гитлер урок усвоил и тотчас же решил впредь применять только легальные методы. После девяти лет борьбы эти методы привели его к цели. В 1933 году Гитлер вступил в новую фазу: он впервые вышел на мировую арену, обладая ответственным положением. Как только национал-социализм пришел к власти, немецкий народ провозгласил заинтересованность жить в согласии со всем миром, чтобы использовать и развивать позитивные, мирные элементы новой идеологии, предложенные ему Гитлером.

В то время я был твердо убежден, что национал-социалистическая Германия сможет жить в согласии с остальным миром. И так бы и было, если бы Гитлер с самого начала придерживался умеренности, сдерживал радикализм и если бы его пропаганда против неарийцев была объективна и выражала интересы других наций. Бесполезные провокационные демонстрации в Нюрнберге и других местах, призыв к терпимости к антисемитским эксцессам, а также тон и содержание «мировой пропаганды» Геббельса, выраженной в его демагогических выступлениях в берлинском Дворце спорта, не способствовали симпатиям иностранных государств к национал-социалистической Германии. Подобное поведение неизбежно предостерегало другие нации даже против положительных сторон национал-социализма. Бестактные оскорбления решительно настраивали весь мир против Германии сразу после 1933 года.

С того самого момента, как Гитлер переехал в здание канцелярии на Вильгельмштрассе и впервые вышел на международную арену, он столкнулся с необходимостью принять внутреннее решение. Я не знаю, понимал ли он это. Вероятно, в глубине души он уже его принял и решил следовать ему, а там будь что будет. Сегодня, когда события пришли к роковой развязке, мы твердо знаем, что в эти первые годы для того, чтобы установить дружеские отношения с миром, Гитлеру следовало повести национал-социалистическую Германию по другому пути. Но в то время я полагал, что в этом ему помешал революционный энтузиазм его последователей. Сегодня я понимаю, что ритм его собственной демонической натуры вел его к крайностям. Он в ярости поднялся против радикальных элементов, как в случае с Ремом⁴, только из-за того, что те не склонились перед его волей и поэтому представляли для него опасность.

Когда Гитлер стал канцлером, в его манерах и привычках многое изменилось. Президентский дворец в то время перестраивался, поэтому в доме канцлера временно жил Гинденбург. Гитлер же переехал в квартиру на четвертом этаже здания канцелярии. Стоит отметить, что в эти первые месяцы Гитлер появлялся в своем кабинете ровно в десять часов утра. Позже, когда он стал ложиться спать между тремя и пятью часами утра, все изменилось. Во второй части этой книги я еще расскажу о его личных привычках.

В 1933 году Гитлер всю свою энергию употребил на борьбу с другими партиями и укрепление своей власти. Закон, предоставивший кабинету законодательную власть, и уничтожение

⁴ Рем Эрнст (1887 – 1934) – рейхсминистр Германии, начальник штаба штурмовых отрядов.

остальных партий завершили этот этап. Поджог Рейхстага, который Гитлер использовал как предлог для политических арестов и демонстрации силы, был для него сюрпризом, вопреки тому, что полагали во многих кругах. Он считал его подарком судьбы и мгновенно воспользовался ситуацией, в чем был большим мастером. Весть о поджоге Рейхстага дошла до него поздно вечером. В сопровождении Геббельса он отправился в берлинский офис «Фелькишер беобахтер» и приказал остановить печать. Была выброшена передовица, а он сам составил редакционную статью, в которой требовал быстрых и решительных мер.

Захватив всю полноту власти, Гитлер тотчас же начал выполнять свои обещания в части экономических и социальных реформ. Народ был глубоко заинтересован в этих преобразованиях, тем более что, радикально разделившись с внутренними оппонентами, Гитлер начал проводить политику служения воле народа. Он неоднократно выражал свою неприязнь к актам мести со стороны СА; в приказе, отданном Рему, он запретил излишества. Бывшим членам оппозиционных партий он открыл двери в национал-социалистическую партию и новое правительство при условии, что они выразят свою лояльность «народному сообществу». Почти всех лидеров этих партий он оставил на свободе.

До позднего лета 1933 года Гитлер подчинялся пожилому президенту, и Гинденбург оказывал на него ограничивающее влияние. Я полагаю, что старый фельдмаршал фон Гинденбург был единственным человеком в карьере Гитлера, с мнением которого он считался. Гинденбург имел на уме что-то определенное, когда обязал Гитлера, прежде чем назначить его канцлером, оставить на посту министра иностранных дел фон Нейрата. Когда Гинденбург навсегда закрыл глаза 2 августа 1934 года, он оставил фон Нейрата как политическое завещание. Действительное завещание, опубликованное фон Папеном после смерти Гинденбурга, с тех пор неоднократно называлось подделкой. Лично я полагаю, что этот слух лишен основания. Никто в окружении Гитлера не произнес ни слова по этому поводу. Я вспоминаю, как сразу же после смерти Гинденбурга пошли разговоры о неких мерах предосторожности, которые следовало принять, чтобы сохранить все посмертные бумаги президента. Но Гинденбург уже доверил свое скрепленное печатью завещание фон Папену. Если учесть отношения фон Папена с Гинденбургом, кажется невероятным, чтобы тот сочинил поддельное завещание или позволил Гитлеру опубликовать подделку.

Сам Гитлер описывал свои отношения с Гинденбургом вначале как холодные и неуверенные, а потом определенно сердечные. В ранние месяцы Гинденбург пользовался почти каждым совещанием, чтобы донести до него собственные желания или жалобы людей, считавших, что партия несправедливо обошлась с ними, и просил его вмешаться. Если Гитлер не мог доказать Гинденбургу необоснованность этих жалоб, он всегда исполнял желания президента. Вскоре в ходе их общения отношение Гинденбурга к Гитлеру настолько изменилось, что он стал рьяно защищать «своего канцлера» от враждебных членов консервативной партии, Гугенберга и Ольденбурга-Янушау. Гитлер с большим почтением относился к пожилому фельдмаршалу Первой мировой войны. Он неоднократно заявлял, что «очень любит «старого господина», который всегда называет его «мой дорогой канцлер».

В те восемнадцать месяцев, когда Гинденбург с Гитлером вместе вершили судьбы рейха, произошли два важнейших политических события. Они повлекли за собой последующие важные события в жизни Германии и создали напряженную обстановку во всем мире. Речь идет о выходе Германии из Лиги Наций и деле Рема.

Из выступлений Гитлера в то время следовало, что Гинденбург приветствовал выход Германии из Лиги, считая, что рейх должен быть свободен от ее решений. Именно в таком свете Гитлер представил этот шаг. Когда немецкие делегаты Лиги и немецкие журналисты, работавшие в Женеве, выразили сомнение в разумности такого решения, Гитлер жестоко оскорбил их, обвинив в том, что они подкуплены атмосферой Женевы. Несомненно, он уже тогда думал о перевооружении Германии, но это ни в коем случае не значит, что он планировал войну.

Учитывая воинственность Гитлера, объектом перевооружения можно было считать только немецкую армию. Именно здесь Гитлер резко расходился с Ремом, мечтавшим о вхождении в армию штурмовых отрядов СА, и в этом была причина кровавой расправы с Ремом. Рем чувствовал, что его и верных ему штурмовиков обошли, у них отняли завоевания революции. Но Гитлер в то время видел, что нападки на армию опасны для военного будущего Германии. Что в действительности планировал Рем, я так никогда и не выяснил. Гитлер заявлял, будто у него есть доказательства того, что Рем со своими ближайшими подчиненными готовил путч против армии и что вместе с Грегором Штрассером и Штрейхером они вели переговоры с иностранными государствами о совместном выступлении против Гитлера. Наблюдая весь ход чистки в курортном местечке Бад-Висзее на берегу озера Тегернзее и Мюнхене, я не верю, что обвинения Гитлера справедливы, во всяком случае не до такой степени, как он утверждал. Сегодня я скорее придерживаюсь мнения, что 30 июня 1934 года чудовищная сторона натуры Гитлера впервые вырвалась наружу и проявилась в полной мере. Ради будущего нации и чтобы, как выражался Гитлер, «сделать армию несокрушимой» и не компрометировать ее тайных планов, Гитлеру потребовались кровавые жертвы. В то время народ был удовлетворен; в его глазах грубое вмешательство Гитлера означало отказ от насилия и беззакония и безусловный конец революции.

Чтобы узаконить свои действия, Гитлер провозгласил себя «верховным судьей нации». У меня до сих пор стоит перед глазами картина, как утром 30 июня он входит в дом в Бад-Висзее, чтобы арестовать Рема. Огромными шагами он расхаживал перед лидером штурмовиков, вне себя от ярости, как какое-то высшее существо, само олицетворение правосудия. Несколько дней спустя Гинденбург вызвал его в свое поместье Нойдек для доклада по делу Рема и горячо одобрил быстрое подавление этого «бунта против армии», как назвал его старый президент. Позже – и это проливает некоторый свет на психологическое отношение Гитлера к политическим ситуациям – Гитлер неоднократно заявлял, что он твердо убежден, что Франция не оккупировала Рейнланд в первые месяцы после выхода Германии из Лиги Наций только потому, что французское правительство было хорошо информировано и рассчитывало, что путч Рема «уничтожит режим Гитлера».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.